

Дмитрий Фурман.

Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве .

Цель настоящей статьи – попытаться показать дивергенцию политических систем, возникших на постсоветском пространстве, определить факторы, её обусловившие, и её историческое значение.

Исходной точкой для нас будут оценки политических и гражданских свобод всех стран мира, которые с 1972 года каждый год выставляет американская неправительственная организация «Дом свободы (Freedom House)». Оценки даются экспертами на основании довольно сложной процедуры, по шкале от 1 до 7, где 1- максимальная демократия, а 7 – максимальный тоталитаризм¹. Главным при определении степени политической свободы являются оценки, во-первых, того, «насколько система даёт возможность свободного выбора из кандидатов на властные должности и насколько независимо от государства выдвигаются сами кандидаты», во-вторых, насколько эти избранные могут реально править без ограничений со стороны таких не демократических институтов, как монарх, армия или церковь. При определении уровня гражданской свободы оцениваются свобода слова, собраний, организаций, образования, религии, экономической деятельности. Степень гражданских и степень политических свобод всегда тесно связаны. Тем не менее, они не полностью совпадают. Максимальным расхождением между оценками политической и гражданской свободы может быть 2 пункта из 7. На основании оценок по этим шкалам экспертами из Фридом Хауз страны причисляются к трём категориям – свободных (средняя оценка по обеим шкалам – от 1- до 2,5) , частично свободных (от 3 до 5) и несвободных (от 5,5 до 7)².

Разумеется, эти экспертные оценки могут быть неточными, из – за недостатка информации, или из-за предубеждений оценивающих³. Но эта неточность возможна лишь в относительно узком диапазоне, я думаю – не более, чем на 1 пункт из 7. Учитель может поставить 4 с минусом за работу на тройку с плюсом, но не 5 за работу на двойку. Иногда оценки экспертов Фридом Хауз не полностью совпадали с моими представлениями⁴, но я вполне допускаю, что оценки экспертов - вернее.

Оценки постсоветским странам даются Фридом Хауз с 1991 года, года распада СССР. Но за 1991 год были выставлены и общая оценка по СССР, и отдельные оценки по республикам. Общая оценка СССР в 1991 году была и по политическим, и по гражданским свободам – 4. Таким образом, СССР в целом оценивался как находящийся на полпути от тоталитаризма к демократии. На этой середине пути он и умер. Далее начинается (а вернее, продолжается, ибо

¹ Методологию оценок см. на сайте: <http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2003/methodology.htm>

² Оценки всех стран с 1972 года можно посмотреть на сайте : <http://www.freedomhouse.org/ratings/allscore04.xls>

³ Фридом Хауз – неправительственная организация и нет никаких сомнений, что в своих оценках она не руководствуется интересами американского правительства, завывая оценки американским союзникам. Но эксперты могут, конечно, в какой-то мере находиться под влиянием господствующих в обществе настроений.

⁴ Так, мне кажется, что оценки России в ельцинское время были несколько завышены. Оценка 3, данная России за 1993 год, год расстрела парламента и принятия теперешней конституции, мне представляется слишком высокой. С другой стороны, снижение оценки Молдовы за последние годы с 2 до 3 вызывает у меня подозрение, не связано ли оно с приходом к власти коммунистов. В обоих случаях на оценки могли повлиять антикоммунистические установки экспертов.

начался он ещё «внутри» горбачёвского СССР) процесс дивергенции политического развития отдельных республик.

На таблице помещены первая, 1991 года, и последняя, 2003 года, оценки постсоветских стран экспертами Фридом Хауз.

	Политическое Права, 1991	Гражданские Свободы, 1991	Политическое Права, 2003	Гражданские Свободы, 2003	Категория
Эстония	2	3	1	2	Свободная
Латвия	2	3	1	2	Свободная
Литва	2	3	1	2	Свободная
Молдова	5	4	3	4	Частично свободная
Украина	3	3	4	4	Частично свободная
Армения	5	5	4	4	Частично свободная
Грузия	6	5	4	4	Частично свободная
Россия	3	3	5	5	Частично свободная
Азербайджан	5	5	6	5	Несвободная
Казахстан	5	4	6	5	Несвободная
Киргизия	5	4	6	5	Несвободная
Таджикистан	3	3	6	5	Несвободная
Белоруссия	4	4	6	6	Несвободная
Узбекистан	6	5	7	6	Несвободная
Туркменистан	6	5	7	7	Несвободная

Процесс дивергенции виден на таблице достаточно отчётливо. Общесоюзная оценка в 1991 году – 4, разброс оценок отдельных республик за 1991 год – от 2 до 6 по политическим и от 3 до 5 по гражданским свободам. В 2003 году этот разброс уже от 1 до 7 и от 2 до 7. Шесть стран – страны Балтии, Молдова, Армения и Грузия улучшили свои оценки по сравнению с 1991 г., девять стран, включая Россию, – ухудшили.

Естественно, что в данной статье мы не можем описывать все 15 постсоветских политических режимов и их изменения с 1991 по 2004 год. Но некоторый комментарий к таблице всё же нужен.

xxx

Все три страны Балтии фактически ещё в конце советской эпохи создали политические системы, где в рамках единых стабильных демократических «правил игры» осуществляется ротация власти через выборы. В этих странах уже много раз оппозиция и правящие партии менялись местами, и ни разу находящиеся у власти лица и партии не пытались не допустить политических противников к власти, прибегая к незаконным методам или «по ходу дела» изменяя законодательство.

Самой свободной из «частично свободных» по оценке Фридом Хауз стран в настоящее время является Молдова. Молдова прошла через период хаоса и гражданской войны, тем не менее, здесь возникла система, при которой оппозиция может придти к власти. Сейчас Молдова – единственная европейская стран, где правит Компартия, пришедшая к власти демократическим путём и, насколько нам известно, не стремящаяся закрепить своё положение неправовыми методами. Но Молдова, даже если отвлечься от наличия приднестровского сепаратистского государства – очень расколотое общество, где конфликты, прежде всего – по проблемам национальной самоидентификации молдаван (как румын или как самостоятельной нации) постоянно выносятся на улицу. Той стабильности и «отлаженности» демократических механизмов, какая есть в Балтии, в Молдове нет.

Украина, Армения и Грузия сейчас имеют одинаковые оценки и находятся на равном расстоянии и от демократического и от тоталитарного «полюсов».

Украина снизила свои оценки. В начале 90-х – это было более свободное общество, чем сейчас. В 1994 г. в Украине произошла демократическая ротация власти (от Л. Кравчука к Л. Кучме). Первый приход к власти оппозиции мог стать началом демократического пути развития. Однако этого не произошло. Ставший главой государства в результате первой демократической ротации Л. Кучма и его окружение стали делать всё возможное, чтобы не допустить следующей ротации, меняя по ходу дела «правила игры» и, возможно, даже прибегая к криминальным методам («дело Гонгадзе»). Украина остаётся на «распутье», на середине пути, и её будущее развитие в громадной мере будет определено ближайшими президентскими выборами.

Армения 1991 года, ведущая войну за Карабах, – это «военный лагерь» или «осаждённая крепость». После установления перемирия президент Л. Тер-Петросян пытался сохранить власть запретами оппозиционных партий, преследованиями противников и широкомасштабными фальсификациями результатов выборов. Однако, «ротация» в Армении всё же происходит, хотя и не демократическим путём. В 1998 г. Л. Тер-Петросян отстраняется от власти путём «мирного военного переворота» (ультиматумом «силовики»), результаты которого затем легитимизируются выборами. Но хотя одним из обвинений власти Л. Тер-Петросяна была фальсификация результатов выборов, пришедшая ей на смену власть Р. Кочаряна также, и очевидно, не без оснований, обвиняется оппозицией в аналогичных подтасовках.

Грузия 1991 года – это страна со слабым президентом с сильными авторитарными тенденциями (З. Гамсахурдиа), погружённая в состоянии анархии. В январе 1992 г. президент свергается вооружённым путём. Мятежники призывают бывшего советского руководителя Грузии Э. Шеварнадзе, которому с большим трудом удаётся обуздать анархию и установить систему, при которой оппозиция могла относительно свободно существовать, но не могла прийти к власти, поскольку результаты выборов подвергались широкомасштабной фальсификации. В октябре 2003 г происходит мирная «революция роз», свергшая Э. Шеварнадзе. Будущее нового грузинского режима пока неопределённо.

Россия сейчас - ближе к тоталитарному, чем к демократическому «полюсу». Её оценка (5) на 4 пункта отстоит от максимальной оценки демократичности, которую получили страны Балтии, и только на 2 пункта от максимальной оценки авторитаризма, которую получила Туркмения. На протяжении 1991 – 2003 гг. оценки России ухудшились на два пункта. Между 1991 и 2003 годом происходит кровавый переворот октября 1993 года, когда Б.Ельцин разогнал силой парламент, принятие на сомнительном референдуме декабря 1993 года «суперпрезидентской» конституции, не менее сомнительные

выборы 1996 г., передача власти В. Путину, ликвидация В. Путиным «очагов сопротивления» президентской власти и быстрое продвижение к однопартийной системе. Если во всех странах, имеющих сейчас лучший рейтинг, чем Россия, за постсоветский период всё же были ротации власти (демократическая, как в Украине, или «силовые», как в Армении и Грузии), то Россия – страна, где на протяжении всей постсоветской истории вообще не было ротации.

Азербайджан – страна, которая в начале постсоветской эпохи прошла через два переворота, результаты которых были затем закреплены выборами – переход власти от А. Муталибова к Народному фронту во главе с А. Эльчибеём в 1992 г. и переход власти от А. Эльчибея к Г. Алиеву в 1994 г. Г. Алиев смог выстроить режим «безальтернативного президентства», где эта безальтернативность достигается прежде всего фальсификацией результатов выборов, масштабы которой, очевидно, максимальные на постсоветском пространстве. Азербайджан – вторая после России постсоветская страна, где была осуществлена передача власти от президента к назначенному им преемнику, и единственная, где этим преемником стал сын президента.

Казахстан и Киргизия, как и Россия – страны, в которых за весь постсоветский период оппозиция ни разу – ни демократическим, ни силовым путём – не приходила к власти (хотя конституции менялись, всегда в сторону усиления президентской власти, и Назарбаев, и Акаев правили при трёх разных конституциях).

Таджикистан начинал с попытки установить демократию, приведшей к длительной и кровавой гражданской войне. Сейчас в Таджикистане устанавливается режим, схожий с режимами его соседей.

Белоруссия, как и Украина, прошла через демократическую смену власти в 1994 г., но, как и в Украине, эта первая ротация не стала началом системы, основанной на единых «правилах игры» для власти и оппозиции. Как и Л. Кучма, А. Лукашенко направил свои усилия на создание системы, исключавшей победу оппозиции, путём изменений конституции, организации не демократических выборов и референдумов и фальсификации их результатов и активного использованием спецслужб (Белоруссия – страна, где наиболее активные противники президента «тайнственно» пропадают). При этом успехи Лукашенко в построении системы, исключавшей возможность легальной победы оппозиции – значительно больше, чем у его украинского коллеги, а методы – значительно жёстче.

И в Таджикистане, Казахстане, Киргизии, и даже в Белоруссии всё же есть реальная легальная оппозиция, хотя политическая система организована так, что прийти к власти она не может. В Узбекистане легальной оппозиции сейчас практически нет, и есть только «псевдомногопартийность» по типу «стран народной демократии».

А в Туркменистане нет и её. Туркменистан – это гротескный заповедник тоталитаризма, где стоят золотые статуи Туркменбаши, все учат написанную им священную книгу Рухнамэ и даже месяцы года переименованы в честь «сардара» и его родителей.

Туркмения и страны Балтии – это два полюса постсоветского политического развития. В советское время в этих странах формальная институциональная структура была тождественной. Сейчас они настолько различны, что даже сравнивать их – бессмысленно.

xxx

Таким образом, мы видим, что постсоветские страны очень быстро стали удаляться друг от друга по своим политическим системам и создали за годы,

прошедшие после падения СССР, самые разные системы во всём диапазоне от развитой демократии до «развитого тоталитаризма». А отсюда следует вывод, который может показаться неожиданным, но который логически неизбежен: советское социалистическое прошлое не повлияло сколь-либо существенно на постсоветское политическое развитие.

Естественно, что никакой общий фактор не может объяснить различий, поэтому общие советские стартовые условия не могут объяснить дивергенцию режимов бывших советских республик. Но если бы эта дивергенция была в узком диапазоне, мы могли бы усмотреть действие фактора «советскости» в этом «сужении диапазона». И в 1991 году, когда дивергенция и диапазон оценок не были ещё столь велики, мы, действительно, можем увидеть некоторое влияние позднесоветских условий. Внутри горбачёвского СССР для республик невозможно было создать ни полностью демократического, ни полностью тоталитарного режима. И для того, и для другого нужны были независимость и какое-то время. Но уже через несколько лет после распада СССР и исчезновения сдерживающей силы центра и те, кто с самого начала (ещё «внутри» СССР) пошёл по пути демократического строительства, и те, кто пошёл по пути «строительства авторитаризма», достраивают свои здания, и дивергенция и, соответственно, разброс оценок достигают максимальных возможных размеров. Туркмения получает максимальную оценку авторитаризма, 7, уже в 1992 году, оценку 1 Литва получает в 1995 г., Эстония – в 1996 г., Латвия – в 1997 г., с этого времени эти оценки не менялись.

Но если постсоветские страны за несколько лет могли стать и такими, как Туркмения, по оценке свободы находящаяся на одном уровне с Ливией, Саудовской Аравией и Северной Кореей, и такими, как страны Балтии, оценка свободы которых равна оценке свободы Британии и Швейцарии, значит, они могли всё, и фактор общего советского наследия практически никак не сдерживал и не направлял их развития⁵.

Какие же факторы объясняют дивергенцию?

xxx

Очевидно, самое большое значение имеет «цивилизационный» фактор. При взгляде на таблицу он «бросается в глаза».

Все три страны Прибалтики, являющиеся по оценкам «Фридом Хауз» полностью свободными – это страны с западными формами христианства – лютеранством и католичеством, единственные страны с этими религиями, входившие в СССР.

Пять стран «частично свободных» - это четыре православные страны плюс Армения с её особой восточно-христианской национальной церковью.

Шесть «несвободных» стран – это пять мусульманских стран плюс православная Белоруссия. Из всех постсоветских мусульманских стран ни одна не попала в категории «свободных» и «частично свободных».

Эта бросающаяся в глаза тесная связь религиозно-цивилизационной принадлежности стран и их оценок по степени свободы полностью соответствует нашим общим знаниям о развитии современной демократии, впервые победившей в ряде протестантских стран, затем распространившейся на

⁵ Распределение политических систем на нашем пространстве приблизительно соответствует их распределению в мире. Так, свободных стран у нас 3 из 15, то есть 20%, в мире – 44%, частично свободных – 33%, в мире – 34%, несвободных – 47%, в мире – 26%. Постсоветский мир в целом – несколько менее свободный, чем остальное человечество, но приписывать это действию фактора советского наследия никаких оснований нет.

католический мир и сейчас охватившей лишь некоторые не христианские страны⁶, и оценкам, которые даёт «Фридом Хауз» разным странам мира.

«Постсоветскость» не определяет итоги политического развития и вообще не влияет на них сколь либо заметно – постсоветские страны могли выработать предельно далёкие друг от друга формы политического устройства. Но цивилизационная принадлежность определяет их политическую эволюцию так, что в результате сейчас они оказались предельно далеки от некоторых других «братских» советских республик, но очень близки к странам, никогда не входившим ни в СССР, ни в «соцлагерь», но принадлежащих к той же религиозно-цивилизационной традиции.

Так страны Балтии – предельно далеки от ранее «братской» Туркмении, но так же близки к Швеции, Франции, Британии. В группу стран, имеющих ту же, что и страны Балтии, максимальную оценку по демократичности (1), входят 59 стран. Из них – 29 протестантских, 23 католических, 3 православных, а также Япония, Израиль и Маврикий. Там нет ни одной мусульманской страны. И, наоборот, в группе стран, получивших оценку 7, нет ни одной протестантской и только одна католическая (Куба).

«Переходная» группа постсоветских «частично-свободных» стран, с оценками от 3 до 5, полностью состоит из стран православных и восточно-христианских (Армения). В неё входят все православные постсоветские страны, кроме «несвободной» Белоруссии. В мире в целом группа «частично свободных» – самая «цивилизационно пёстрая», в неё входят очень разные страны. Но другие православные и восточно-христианские страны при высоком разбросе их оценок также тяготеют к «переходным», средним оценкам. Три из них – Болгария, Кипр и Греция сейчас имеют высшую оценку демократичности (1), одна, Румыния – оценку 2, две, Македония и Сербия с Черногорией – 3, а восточно-христианская Эфиопия, чей вариант христианства близок к армянскому, получила оценку 5 (такую же, как Россия, и на один пункт хуже армянской).

Группа «несвободных» постсоветских стран состоит из шести мусульманских стран плюс Белоруссии. И опять таки, наши мусульманские страны по созданным им политическим режимам очень далеки от стран Балтии или Молдовы, но очень близки к другим мусульманским странам. Из 41 страны с мусульманским большинством населения ни одна не получила оценку 1, только две получили оценку 2 и попали в группу свободных (Мали и Сенегал), 3 – оценку 3 и признаны «частично свободными» (Албания, Индонезия и Турция), оценку 4 получили 3 страны, оценку 5 - 7 стран, оценку 6-18, оценку 7- 8. Всего в мире 17 стран получили оценку 7, то есть, их режимы признаются законченными авторитарными и тоталитарными⁷. Из них мусульманских – 8. Из 32 стран мира, получивших оценку 6, мусульманских - 18, а христианских – одна Белоруссия. Туркменистан и Узбекистан - «рядом» не с постсоветскими, но не мусульманскими Литвой или Латвией, а с мусульманскими, но не постсоветскими Суданом, Саудовской Аравией, Ираком, Ливией, Сирией.

Создаётся впечатление, что, как только исчезла принудительная советская унификация, которая никак не могла изменить глубокие «цивилизационные коды» входивших в СССР стран, они оказались там, где их естественное «место».

⁶ Проблема влияния особенностей разных религий на развитие демократии и рынка имеет необозримую литературу и здесь мы её не затрагиваем. Нам важна констатация связи, а не её причины.

⁷ Стран, которые, как Туркмения, получили максимальную оценку 7 и по шкале политических, и по шкале гражданских свобод – всего 8. Это – Северная Корея, Ливия, Сирия, Судан, Саудовская Аравия, сама Туркмения, Куба и Бирма.

При этом элемент подражания, сознательного уподобления большой роли не играл. Страны Балтии, действительно, сознательно строили свои системы по европейским образцам, с самого начала взяв курс на интеграцию в западные структуры. Но нет никаких оснований полагать, что лидеры Узбекистана или Туркмении брали себе за образец Ирак или Ливию. Дело не в подражании и не в ориентации на какую-то группу стран (никакой сознающей свою общность и родство авторитарной группы стран вообще нет, и все постсоветские страны если на кого и ориентируются, то на Запад, а быть в одной группе с Ираком и Ливией не хочет никто), а в объективно существующем родстве. Человек может подражать какому-нибудь актёру, а отнюдь не отцу или брату, которых он может и не любить, но похож то он на отца и брата.

xxx

Значение религиозно-цивилизационного фактора – настолько велико, что возникает естественное искушение объявить его чуть ли единственно значимым.

Но всё же ясно, что действие его – ограничено. Это – один из факторов политического развития, действие которого может модифицироваться действием других факторов.

Связь цивилизационной принадлежности и политических режимов – очевидна. Но также очевидно, что связь эта – не прямая и не однозначная.

Так, православные постсоветские страны получили оценки в разбросе от 3 (Молдова) до 6 (Белоруссия), а мусульманские – в разбросе от 5 до 7. Ясно, что этот разброс не может быть объяснён общими для них цивилизационными факторами. Если же мы выйдем за пределы постсоветского пространства, разброс окажется ещё больше. Так среди православных стран есть три страны, имеющие оценку 1. Мусульманские страны в основном имеют оценки 5-7, но есть 2 страны с оценкой 2 и 3 – с оценкой 3. Конечно, можно сказать, что это – исключения, вызванные особыми обстоятельствами. Но в любом случае это значит, что религиозно-цивилизационная принадлежность – лишь фактор, который очень важен, но действие которого может быть сильно изменено действием каких-то других факторов.

Чтобы попытаться как-то объяснить разброс в пределах религиозно-цивилизационных общностей, мы должны искать дополнительные факторы. Здесь возникает много вопросов, и можно выдвинуть много гипотез, разной степени достоверности.

Так, пытаясь объяснить отличия Молдовы и других православных стран, можно указать на то, что в межвоенный период Молдова была не в составе СССР, а в составе Румынии, общества не демократического, но всё же не тоталитарного. Отличия украинского и российского режимов, несомненно, связаны с разными типами национального самосознания (связью русского самосознания с ролью имперской нации, а украинского – с ролью нации, борющейся за свободу) и влиянием разных государственных традиций (полуанархического казацкого государства и самодержавного русского), можно также указать на роль Галичины, на больший культурный и религиозный плюрализм Украины и на многое другое. Объясняя отличия Азербайджана от Узбекистана, мы можем указать, что Азербайджан дольше был в составе Российской империи и азербайджанская элита была под сильным влиянием европейской культуры, можем указать на Азербайджанскую республику периода гражданской войны в России. Различия Киргизии и Казахстана с Узбекистаном – это в громадной мере различия обществ «кочевой демократии» и земледельческих обществ с государственной деспотической традицией.

Факторы множатся, начинают «путаться», теряют свою однозначность и определённую ясность. Мы вынуждены «громоздить» один на другой, делая оговорки и

вступая в противоречия⁸. Такие объяснения постепенно переходят в исторический анализ и даже просто в историческое описание, математически подтверждаемое указание на факторы постепенно переходит в описание процесса («как это получилось»).

При этом, хотя само стремление свести всё к каким-то долговременным факторам – естественно и правильно, это – стремление найти социальные и культурологические закономерности, но полное такое сведение означало бы, что конкретные люди – Горбачёвы и Ельцины, Бразаускасы и Ландсбергисы, Эльчибеи и Алиевы – вообще ничего не значат, это просто символы неких «факторов». Но это всё же не так.

Конкретные люди, конечно, значат значительно меньше, чем им самим кажется. Человек идёт на выборы и свободно опускает бюллетень за такого-то кандидата. Это – его выбор. Но статистика говорит, что 90% людей его возраста, образования, социального положения голосуют, как и он, и следовательно, то, что субъективно кажется свободным и, может быть, даже мучительным, выбором, социально и культурно предопределено. Правитель борется с соперниками, с громадным трудом выстраивает «властную вертикаль», добивается своей «безальтернативности» и думает про себя: «Какой я молодец, с какими трудностями справился!». Но рядом то же самое и с тем же успехом делает другой правитель, причём с совсем иными личностными характеристиками. Академик А. Акаев, партийный бюрократ Н. Назарбаев, утончённый интеллектуал и почти диссидент Л. Тер-Петросян, бывший работник КГБ В. Путин и бывший председатель колхоза А. Лукашенко – люди очень разные. Но режимы, созданные ими – очень похожи.

Культура значит больше, чем личности и конкретные политические ситуации и религиозно-цивилизационный выбор князя Владимира, совершённый более тысячи лет назад, или выбор хана Узбека, принявшего ислам, или выбор Ягайлы, ставшего католиком – более важны, как факторы, определяющие теперешние политические системы, чем все «выборы» М. Горбачёва, Б. Ельцина, В. Ландсбергиса и Н. Назарбаева.

Тем не менее, личностные факторы имеют значение для современных политических систем, и мы можем уловить их действие в процессе нашей дивергенции. Культурные и иные долговременные факторы определяют веер возможностей и большую или меньшую вероятность становления того или иного режима. Но субъективный фактор может оказаться настолько сильным, что иногда выбирается не самый вероятный вариант.

Например, Белоруссия по своей культуре, как я думаю – не страна, для которой естественно попадание в одну группу с мусульманскими деспотиями, и объяснить авторитаризм белорусского режима нельзя без учёта чисто субъективного и случайного фактора – яркой и сильной личности белорусского президента. И то, что туркменский режим представляется гротескным даже для узбеков, вряд ли выводимо из глубоких особенностей туркменской культуры. Конечно, создание в Туркмении в постсоветский период демократического режима можно считать практически исключённым, но то, что авторитаризм здесь перерос в тоталитаризм, а не принял более мягкую форму, хотя бы такую, как в других центрально-азиатских странах, наверняка, «заслуга» С. Ниязова. Украина,

⁸ Так Белоруссия – тоже не имеет российской самодержавной традиции, в ней – большое католическое меньшинство. Тем не менее, Белоруссия имеет оценку 6, а Россия – 5. Туркмения в прошлом – тоже кочевое общество, как и Казахстан с Киргизией. Но оценка Казахстан и Киргизии – 5, а Туркмении – 7. Наверное, если мы будем специально изучать туркменскую историю, сравнивая её с казахской, мы найдём какие-то объяснения различию их теперешних политических систем. Но вряд ли эти объяснения будут строгими и однозначными.

спокойно и мирно прошедшая через первую ротацию власти, наверное, имела шансы вступить на путь, по которому пошли балтийские страны и Молдова. То, что этого не произошло, несомненно, во многом определила личность Л. Кучмы.

Это – примеры, когда личности правителей были факторами, сдвигающими страну в сторону большего авторитаризма. Но, несомненно, есть и противоположные. Когда в Литве в 1993 г. неожиданно для всех победила Демократическая партия Труда А. Бразаускаса (бывшая Компартия Литвы), что было первым в серии возвращения во власть партий «перестроившейся» коммунистической номенклатуры, для возглавлявшихся В. Ландсбергисом «демократов»-саюдистов это был шок. По Литве поползли слухи, что «коммунистов» к власти не пустят. Теоретически возможность этого была, и, наверняка, такое искушение у «демократов» было. Но этого не произошло. Это – конкретная ситуация, решали здесь конкретные люди, и то, что решение было именно таким, было вероятно, но не предопределено на 100%.

Личности не могут всё, не могут произвольно отменить действие мощных факторов, но они могут видоизменить их действие в определённых диапазонах, и чем сильнее личность, чем в более сильной властной позиции она находится, и чем неопределёнее ситуация в стране, тем больше диапазон возможностей этой личности. Очевидно, при любой комбинации личностных и ситуативных факторов Туркмения сейчас не могла бы иметь режим, получивший оценку 1 или 2, а Литва – режим с оценкой 7 или 6. Но Туркмения могла бы иметь режим с оценкой 6 или 5, а Литва – 2 или даже 3. Теперешняя картина политического устройства постсоветских стран в 1991 году не была единственно возможной. Принципиально иной картины возникнуть не могло, но могли реализоваться и чуть более «либеральные», и чуть более «тоталитарные» варианты⁹.

xxx

Другие факторы – от глубоких факторов, связанных с особенностями культуры народа до чисто субъективных - видоизменяют действие религиозно-цивилизационного фактора, но всё равно он остаётся важнейшим. Но в чём же заключается его роль?

Совершенно очевидно, что этот фактор не определяет однозначно характер политического режима. Нет мусульманских, протестантских и православных режимов. Конечно, есть то, что придаёт стилистическое своеобразие даже однотипным режимам стран, принадлежащих к разным цивилизационным группам. Южнокорейская демократия отличается от литовской, а туркменский тоталитаризм отличается от северокорейского. (А когда в России будет демократия, это тоже будет демократия « в русском стиле»). Но это - именно «стилистические» и не принципиальные отличия. Принципиальных отличий статуей Туркменбаши и Ким Ир Сена нет. Как нет и принципиальных отличий этих статуй от статуй Сталина или Муссолини.

Оценка режима – это именно оценка режима, а не цивилизационной принадлежности, хотя цивилизация – фактор, сильно влияющий на характер и,

⁹ Очевидно, действие личностных и случайных, ситуативных факторов – не только ограничено (никто не мог бы сделать в постсоветской Туркмении развитую демократию, а в Эстонии – развитый тоталитаризм), но и ограничено по времени. Так, Белоруссия, очевидно, под влиянием личностного и ситуационных факторов имеет не совсем тот режим, который естественен для неё по её цивилизационному типу. «Нормальная» оценка для неё - 3 или 4. И можно предполагать, что с рано или поздно неизбежным уходом А.Лукашенко, исчезновением сильного личностного фактора, режим быстро и прочно изменится в более демократическом направлении. Наоборот, относительно высокая степень демократичности раннего постсоветского Таджикистана тоже не соответствовала его цивилизационному типу и была вызвано особой ситуацией. Сейчас Таджикистан имеет ту же оценку, что и его территориальные соседи и цивилизационные братья.

соответственно, оценку режима. Здесь вполне уместна аналогия с обычными оценками, которые ставятся детям в школе. Оценки ставятся за математику или русский язык, а не за личности или за социальную или национальную принадлежность учеников. Но шансы на то, что сын бедного мигранта из Центральной Азии будет по русскому не вылезать из двоек, а сын московского профессора будет без особо напряжения получать пятёрки – очень велики. (Хотя бывают очень способные к языкам дети бедных мигрантов и неграмотные дети интеллигентных москвичей.) Точно также для страны с протестантской религиозно-культурной традицией, как Эстония, построить систему, заслуживающую оценку 1 – легко, и даже особой заслуги здесь нет. А для Узбекистана – очень трудно. (И поэтому любые успехи в построении демократии стран с цивилизационными традициями, не способствующими лёгкому усвоению демократических норм – особенно ценны. Оценки 2, которые имеют Мали и Сенегал и 3, которую имеют Турция – ценнее, чем эстонская единица. Хорошему учителю твёрдая тройка за русский, полученная сыном бедного таджикского мигранта, должна доставлять больше радости, чем пятёрки профессорского сына).

Оценки режимов – это оценки их соответствия определённой норме, возникшей и выработанной в определённой цивилизационной среде, но к нашему времени приобретшей общечеловеческое значение. Общечеловеческое значение этой нормы видно и в том, что её не отрицают и те, кто ей не следует. Власти ни одной из постсоветских стран, имеющих оценки 6 и 7, даже туркменские, не утверждают, что демократия – это плохо и не нужно и не имеют никакого альтернативного демократии идеала. В отличие от традиционалистских режимов и в какой-то мере даже тоталитарных режимов прошлого века, никто сейчас не решается отрицать демократию, но её подменяют обманом и имитацией (фальсифицированными выборами, фактически «избранным» самими президентами, но парламентом и т.п.). У этих властей есть лишь два способа как-то отвечать на обвинения в авторитаризме (или просто констатацию авторитаризма). Во-первых, это просто отрицание своего несоответствия нормам и обвинения в предвзятости (как ученик может говорить, что «учитель придирается») – утверждается, что явно фальсифицированные выборы были очень честными, что посаженные в тюрьму политические противники сидят за уголовные преступления, что оппозиция не представлена в парламенте, потому что народ её не любит, а любит президента и т.д., что – просто обман с некоторыми элементами самообмана. Во-вторых, – это утверждение, что для развитой демократии нужно время и не надо применять к их странам слишком строгие требования. «Когда-нибудь мы дорастём до развитой демократии, а пока будем жить, как умеем». Н. Назарбаев и покойный Г. Алиев повторяли эту мысль в разных выступлениях десятки раз. И хотя в мотивации этих заявлений очевиден элемент своекорыстия, в них есть своя правда.

Демократия – общечеловеческая норма и её могут достигнуть (и, очевидно, в конечном счёте, достигнут) все. Цивилизационный фактор – не фактор, делающий для кого-то достижение демократии невозможным, но лишь фактор, делающий его более или менее трудным, а время, необходимое для её достижения, более или менее длительным. Само же направление – на достижение демократии – им также не определяется, как никакими индивидуальными или социальными особенностями учеников не определяются ни правила русской грамматики, ни требование её усвоения. Однако, странам с разными культурами приходится преодолевать разные трудности и для достижения нормы им нужно разное время. Достичь русской грамотности может

любой нормальный человек. Но сыну приехавшего в Москву в поисках работы на стройке таджика – трудно, и ему нужно больше времени.

Даже с 1972 года, когда Фридом хауз стал публиковать свои оценки, что в масштабах всемирной истории – очень небольшой срок, место демократии в мире резко изменилось. В 1972 г. из 151 независимой страны, существовавших в это время, только 21 страна (13,9 %) получила оценку 1, и 19 (12,6%) - оценку 2. Сейчас из 195 стран первых- 59 (30%), а вторых – 26 (13,3%). Распад СССР сам по себе не привёл к успехам демократии. Только 4 страны, входившие в СССР, причём – самые маленькие (три страны Балтии и Молдова), имеют сейчас лучшую оценку, чем общая позднесоветская (4). Более того, пять стран имеют ту же оценку, что и догорбачёвский СССР (6), а три страны – худшую оценку 7. Но распад соцлагеря привёл к быстрой демократизации всех европейских социалистических стран и, как это ни удивительно, Монголии, которая прочно удерживает оценку 2. Кроме того, за это время прошли и совершенно не связанные с распадом СССР и соцлагеря широкомасштабные процессы демократизации южной Европы (Испании, Португалии, Греции) и большинства стран Латинской Америки.

А если взять большие временные отрезки, то масштабы успехов демократии – просто грандиозны. Если бы задним числом поставить оценки разным странам за, скажем, 1900 год, оценку 1, очевидно, не получила бы ни одна страна, и лишь несколько стран получили бы оценки 2 и 3. Те страны, в которых сейчас стабильные демократии, ещё относительно недавно прошли через страшные тоталитарные диктатуры (Гитлер и Муссолини отстоят от нас всего на два поколения). Страны Балтии, которые так успешно и быстро создали сейчас демократические системы, в межвоенный период все три, Литва – в 1926 году, Эстония и Латвия – в 1933, пришли к режимам, значительно более близким к теперешним центральноазиатским, чем к теперешним балтийским. Это сейчас С. Ниязов выглядит гротескной и даже несколько карикатурной фигурой, а в конце 20-х – 30-х годов прошлого века в каждой стране Южной и Центральной Европы было по Ниязову.

Демократия – объективная цель, к которой движется современное человечество. Ни цивилизационная принадлежность, ни какие-то другие культурные и исторические особенности, не определяют ни этой цели, ни неизбежности движения к ней. Они определяют только то, что кто-то из идущих проходит расстояние быстро и без труда, а кто-то плетётся, останавливается и даже периодически поворачивает назад. Но общее расстояние до цели у каждого идущего всё же со временем становится всё меньше, а тех, кто уже добрёл, становится всё больше.

Постсоветский мир, вернее, страны СНГ (постсоветский мир без Балтии) – приблизительно на том же уровне демократического развития, как мир южной и центральной Европы в 20-е – 30-е годы. Но мир в целом изменился. Авторитарные и тоталитарные режимы межвоенного периода были сильнее, увереннее в себе, они находились в более благоприятной для них среде. Наши авторитарные правители – врут, имитируют демократию и говорят, что их странам нужно время для создания демократической системы. Последнее – не ложь. Время действительно нужно, хотя очень трудно представить себе ситуацию, когда правитель скажет: «Теперь это время настало, и я могу уйти и пустить к власти своих противников». О пришествии этого времени они или их преемники узнают, как узнал Э. Шеварнадзе, по толпам на улицах, требующим их отставки и демократических выборов.